

Баронова Елена Владимировна, Крупнова Наталья Александровна, Морозов Дмитрий Леонидович
ДЕФОРМИРОВАННОЕ ТЕЛО, ДИНАСТИЯ И ВЛАСТЬ В ПРОЗЕ ДЖ. MARTINA

Статья посвящена актуальной проблеме восприятия деформированного, аномального, выходящего за рамки нормы тела в современной художественной литературе жанра исторического фэнтези. Авторы пытаются определить, как в выдуманном американским прозаиком мире преломляется система ценностных ориентиров Средневековья и идеалов XXI века, предписывающих рамки поведения в семье и государстве в условиях отторжения, дискриминации и отсутствия толерантности ко всему, что не соответствует предписанной властью и идеологией "норме".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/5-1/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 5(71): в 3-х ч. Ч. 1. С. 12-15. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

соглашаясь с этим высказыванием, мы все же выявили при рассмотрении традиционного мотива просьбы о помощи, как проявляется чужеродность образа Хормусты в эпосах. Обнаружено, что в эхирит-булагатском эпосе, считающемся наиболее архаичным, Хормуста занимает непрочное положение и в текстах призываний, в которых реализуется мотив просьбы о помощи, его имя не упоминается. В унгинской версии эпоса «Абай Гэсэр» этот мотив претерпевает трансформацию в связи с заменой в его структуре исконного мифологического персонажа Хухэдэй Мэргэна образом Хормусты. Также установлено, что в более поздних монгольских эпосах наблюдается упрочнение позиций Хормусты, связанное с усилением буддийского влияния.

Список источников

1. **Абай Гэсэр** / записан И. Н. Мадасоном у сказителя П. Петрова; вступ. ст., подг. текста, пер. и коммент. А. И. Уланова. Улан-Удэ: Бурятский комплексный НИИ СО АН СССР, 1960. 314 с.
2. **Абай Гэсэр-Хубун**: эпопея (Эхирит-булагатский вариант) / записан Ц. Жамцарано у сказателя Маншута Имегенова; подгот. текста, пер. и прим. М. П. Хомонова; вступ. ст. А. Уланова; АН СССР. Сиб. отд.-ние. Бурятский комплексный НИИ. Улан-Удэ, 1961. 231 с.
3. **Гэсэр**. Сонгомол эхийг боловсруулж удиртгал, тайлбар бичсэн академич Ц. Дамдинсурэн. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1986. 223 х.
4. **Дугаров Б. С.** Бурятская Гэсэриада: небесный пролог и мир эпических божеств. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 297 с.
5. **Поппе Н. Н.** Бурят-монгольский героический эпос. М. – Л., 1941. 366 с. // Архив ОПП ИМБТ СО РАН. Ф. Поппе Н. Н. Фольклор. № 545.
6. **Поппе Н. Н.** Халха-монгольский героический эпос. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 127 с.
7. **Пропп В. Я.** Морфология сказки. 2-е изд.-е. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1969. 170 с.
8. **Dulam S., Vacek J.** A Mongolian Mifological Text. 2nd edition. Ulaanbaatar: National University of Mongolia, 2008. 222 p.

**THE MOTIVE OF REQUEST FOR ASSISTANCE
IN THE EPOSES OF THE MONGOLIAN PEOPLES**

Ayusheeva Erzhenai Bairovna

*Institute of Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences, Ulan Ude
erzhena03@bk.ru*

In the article for the first time in epos studies the status of the borrowed character Hormusta is examined by analyzing the traditional motive of the request for assistance in the eposes of the Mongolian peoples. The consideration of this motive in the Mongolian and Buryat epic works in a comparative aspect allows determining the role and place of the Buddhist deity Hormust in the multi-stage different eposes. Hormusta as the borrowed Buddhist character in the epic tradition of the Mongolian peoples reveals an ambiguous position due to the incomplete adaptation on the primordial mythological basis.

Key words and phrases: epos; character; traditional motive; Hormusta; function.

УДК 821.111

Статья посвящена актуальной проблеме восприятия деформированного, аномального, выходящего за рамки нормы тела в современной художественной литературе жанра исторического фэнтези. Авторы пытаются определить, как в выдуманном американском прозаиком мире преломляется система ценностных ориентиров Средневековья и идеалов XXI века, предписывающих рамки поведения в семье и государстве в условиях отторжения, дискриминации и отсутствия толерантности ко всему, что не соответствует предписанной властью и идеологией «норме».

Ключевые слова и фразы: норма; деформированное тело; власть; династия; аномалии тела; доминирующая маскулинность.

Баронова Елена Владимировна, к. филол. н.

Крупнова Наталья Александровна, к. филол. н.

Морозов Дмитрий Леонидович, к. пед. н.

*Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского (филиал) в г. Арзамасе
ipprepod@yandex.ru; krupnova.n.a@yandex.ru; morozoff10@rambler.ru*

ДЕФОРМИРОВАННОЕ ТЕЛО, ДИНАСТИЯ И ВЛАСТЬ В ПРОЗЕ ДЖ. МАРТИНА

Колоссальная по объему и количеству как главных, так и второстепенных персонажей «Песнь льда и огня» Дж. Мартина (р. 1948) основана на событиях английской истории (противостояние Ланкастеров и Йорков), соответственно, отражает идеалы и ценностные ориентиры феодальной эпохи. Один из принципов

существования той поры соответствует дарвиновскому постулату о выживании сильнейших. Более того, если принять во внимание мнение антропологов о том, что менталитет формируется под влиянием нации победителей, завоевателей [4, p. 118], то для англоязычной культуры идеал мужчины включает в себя цельность характера, сдержанность, “innate sense of superiority” (врожденное ощущение превосходства), унаследованные от древних германских племен и дающие индивиду право быть “a ruler of men” (властителем людей) [Ibidem]. Соответственно, все, что не позволяет человеку выполнять эту миссию, есть отклонение от нормы, от идеала маскулинности. Вопрос состоит в том, как видятся принципы восприятия метаморфоз человеческого тела, идеалы нации эпохи позднего Средневековья через призму сознания современного автора, как они соотносятся с взглядом на личность и проблему власти в XXI веке.

До восемнадцатого столетия деформированное, монструозное тело ассоциировалось с наказанием божьим или человеческим. Варварские с точки зрения современной цивилизации средневековые методы воздействия на преступника – отсечение конечностей, ушей, языка, выжигание клейма – были своеобразным способом идентификации асоциальных элементов в эпоху, когда не было ни дактилоскопии, ни фотографии. Врожденное уродство воспринималось как проявление гнева Господа, превращая его в социокультурный концепт, оказывающий значительное влияние на жизнь человека. Подобное представление мы видим и в балладах, и в разнообразных жанрах религиозной литературы. Эпоха Просвещения с ее энтузиазмом по поводу всеобщности науки перевела отклонения от нормы из доказательства вмешательства дьявола в разряд анатомических аномалий, размещенных для всеобщего обозрения в кунсткамерах и цирках по всей Европе.

Само слово *deformity* появляется в английском языке достаточно поздно – в XV веке. Оно было заимствовано из латыни посредством французского и имело значение ‘ugliness’ (уродство) [9, p. 160]. В книгах Дж. Мартина мы видим множество причин такого состояния: ранения и увечья в результате кровопролитных военных действий; пытки, истязания плоти и оскотление; аномалии, вызванные действием магических сил; врожденное уродство. В рамках данного исследования мы сосредоточимся на двух видах отклонения от нормы.

Карликовость на протяжении всей истории человечества воспринималась как патология: люди ростом меньше среднего имели отличный от других представителей общества статус (они воспринимались либо как имеющие непосредственную связь с богом (Древний Египет), либо использовались в сфере развлечения при королевском дворе). Лишь немногие благодаря своим личностным качествам или происхождению могли занять более высокое положение. Из литературных персонажей неискующему читателю в голову приходят лишь несколько образов недемонического плана: хоббиты и сказочные помощники Белоснежки. Прошло несколько столетий, прежде чем из фольклорного набора стереотипных черт они превратились в полноценных персонажей в современной литературе.

В «Песне льда и огня» (1991) одним из самых противоречивых персонажей является Тирион Ланнистер – младший сын могущественного Тайвина. С одной стороны, в этом образе воплощены все стереотипы и предрассудки феодального общества. С другой стороны, он более других (как положительных, так и отрицательных персонажей) адаптирован к весьма суровой среде Вестероса. Впервые читатель встречает упоминание о нем в главе четвертой «Битвы королей», когда монарх со всей многочисленной свитой приезжает во владения Неда Старка: «коротышка позади них, безусловно, Бес, Тирион Ланнистер» [1, с. 28] / “stunted little man behind them was surely the Imp, Tyrion Lannister”. Перевод Ю. Р. Соколова на русский язык не отражает в полной мере отрицательной коннотации, заложенной автором в приеме градации. Прилагательное *stunted* в своем значении содержит сему ‘задержка в развитии’. Оно происходит от среднеанглийского *stunt* – ‘глупый’. В сочетании с *little* слово создает намек не только на физическую, но и умственную неполноценность. Эффект усиливается еще и из-за контраста с окружающими его рыцарями, членами королевского семейства, в котором даже его двенадцатилетний племянник выше его: «высокий мальчик», «огромный мужчина... возвышающийся над всеми» [Там же] / “tall boy”, “the huge man... towered over lesser men”; с его братом, тоже “tall and golden”.

При создании образа «коротышки» Мартин поначалу во всем следует традиции, идущей от мифов. Отмечается, что боги лишили Тириона всего того, чем природа щедро одарила его сестру Серсею и брата Джейме. В описании внешности демоническое начало особо подчеркнуто за счет гетерохромии (глаза черного и зеленого цвета) – таких людей боялись, подозревая, что они были рождены в результате соития с сатаной. Пугает в Тирионе и абсолютная диспропорция в строении тела. Слишком большая голова с мрачными нависающими бровями. Само начало его существования омрачено семейной трагедией: в результате его рождения умирает мать. Обвинения в ее гибели постоянно звучат из уст родственников при всякой неудаче Тириона.

Почти все физиологические действия, которые не выходящий за рамки нормы человек выполняет с легкостью, требуют от младшего из Ланнистеров дополнительного приложения усилий: он не может быстро и долго ходить, для езды на коне ему требуется специальное седло, а для сражения подойдет не всякое оружие. Таким образом, на первый взгляд, он уже явно не может конкурировать с остальными в борьбе за престол, реализовывать амбиции своего отца. Вследствие всего вышесказанного Тирион выбирает доступные ему средства побеждать в неравном бою: пытливый ум, прямолинейность, часто щедро приправленная сарказмом, умение правильно выбирать союзников.

По мнению Мишеля Фуко, возможность выбора, случай и власть управляют нашими отношениями и определяют специфику избираемых нами дискурсов: “choice, chance and power govern our relationships to the discourses we employ” [8, p. 1]. Тирион постоянно погружен в рефлексию по поводу этих трех составляющих. Она полна горькой иронии, особенно когда касается незавидного положения его самого или персонажей, которым он сочувствует. Во время движения по бесконечным просторам Севера к Стене он размышляет

о судьбе Джона Сноу: “He had chosen a hard life... or perhaps he should say that a hard life had been chosen for him” [5, p. 82]. Тирион ощущает двойственный статус, который роднит его с подростком, воспитанным Старками, так как, во-первых, выбор дела жизни, призвания, навязан семьей и сложной системой династических отношений, которые предопределяют пассивность действующего субъекта (“as befitt a Lannister” / как подобает Ланнистеру) [Ibidem]. Во-вторых, предпочтение сложного пути находится во власти каждого, поскольку определяющим фактором всегда будет отношение персонажа к предназначенному семьей ли, судьбой ли. Тирион стоически переносит трудную дорогу, невыносимую боль в ногах, пронизывающий холод, не давая шанса окружающим усомниться в том, что он не обуза, а равный им по силе и мужеству. Карлик всегда использует свой шанс, касается это согревающей в стужу накидке из шкуры медведя или возможности стать правой рукой правителя. Однако он никогда не позволит себе переступить через свою совесть, воспользовавшись ситуацией, когда человек находится в его власти и подчинении, что мы явственно видим в его рыцарском поведении с Сансой, в условиях навязанного им двоим брака.

Что касается второго фактора (шанса или рока), то младший из рода Ланнистеров склонен на него полагаться не только при возможности точно просчитать последствия. Словно компенсируя его малые шансы на победу вследствие физических недостатков, судьба дарует ему защиту в лице лучших поединщиков: вольного клинка Брона и мастера отравленного копья Оберина Мартелла. И если в первом случае исход поединка четко указывает на полную невиновность Тириона, то во втором смерть принца подспудно намекает, что вовлеченность в бесконечные дворцовые интриги не могла не привести к пусть и опосредованному, но участию в убийстве Джоффри, поскольку в мыслях он постоянно жаждал его смерти.

На примере образа Тириона автор саги пытается анализировать еще одну составляющую отклонения от нормы – ритуальную. Любые деформации (слепота, глухота, карликовость, болезни кожи) от начала времен считались признаком того, что человек отвергаем богом за свои грехи либо дурные поступки родителей, а потому будет логичным, что и общество ограничит всякий контакт с ним, а при случае будет сбрасывать со скалы или забивать камнями. С другой стороны, люди с аномалиями тела виделись как «отмеченные богом», а потому избранные, т.е. наиболее подходящие для жертвоприношения. Доказательством тому могут служить мумии, найденные в торфяных болотах на севере Европы (Дании, Исландии, Англии), среди которых примечателен высокий процент тел с отклонениями (шестой палец, слишком короткие конечности, деформированный позвоночник) [7, p. 61]. На африканском континенте даже в наши дни практикуется черная магия, в которой применяются части тела альбиносов (с 2014 г. в Малави 14 человек, отличающихся от остального населения цветом кожи, стали жертвами насилия). Жизнь Тириона также постоянно в опасности с младенчества, когда его пытаются умертвить, видя в нем причину смерти матери во время родов. Серсея требует принести ей голову карлика в качестве доказательства его смерти, но в этом акте видится ее потребность утвердиться во власти, устранив потенциального соперника-мужчину на Железном троне. Если в книге работорговцы продают Тириона, который пытается скрыться от гнева сестры, как шута вместе со свиньей и собакой, то в сериале, созданном по мотивам бестселлера, они хотят заработать состояние на одной из частей его тела, которой в их стране приписываются волшебные свойства.

В то время как деформированное тело Тириона есть результат генетической аномалии, его брат становится калекой по вине дотракийца, одного из наемников, перешедших в войско Русе Болтона и изменивших знамени Ланнистеров.

Потерю кисти правой руки Джейме воспринимает как равнозначную смерти, так как всю свою жизнь он был воином, а теперь не может держать меч: “...he never felt so alive as when he was fighting” [6, p. 567]. Дж. Мартин подчеркивает, что оружие есть продолжение самого рыцаря, за счет приема олицетворения: “the swords kissed”, “the longsword alive in his hands”, “swords woke” [Ibidem]; оно словно живое существо способно чувствовать разнообразие эмоций, например, страх: “...arakh... came shivering down” [Ibidem, p. 583]. Ради военной карьеры Ланнистер отказался от наследства, поскольку, вступив в гвардию короля, он не мог получить родовое поместье. По той же причине Джейме не мог вступить в брак и занять Железный престол. Отсутствие конечности меняет до неузнаваемости все оставшиеся доступными аспекты его жизни: эмоциональную, духовную, физическую.

Для Джейме случившееся особенно тяжело, так как до этого в повествовании он был если не идеалом и образцом для подражания в плане морали, то воплощением стандарта маскулинности с соответствующей статусу высокой самооценкой, опытом не только в турнирах, но и на поле боя, если не уважением в обществе, то страхом перед ним, что выражено в прозвище «Цареубийца». Если обратиться к классификации М. Дональдсона, то Ланнистер суть аллегория «доминирующей маскулинности» (“hegemonic masculinity”) [3, p. 657], напрямую связанной с идеей власти в социальных отношениях. Она определяется культурой войны, четко противопоставлена феминности, домашнему кругу, физической слабости. По этой причине все отрицательные с точки зрения цивилизованной личности номинативы, которые использовались по отношению к Джейме другими персонажами, как то: *oathbreaker*, *liar*, *murderer* (нарушитель клятв, лжец, убийца), вполне вписываются в систему ценностей вышеназванного типа маскулинности, так как все это тождественно «социальной мобильности» и силе. То, что с ним произошло, разрушает Ланнистера изнутри, так как связано не только с функциональными ограничениями, но и ощущением себя свободным человеком, решающим судьбы людей, а не калекой, нуждающимся в помощи окружающих. Джейме вспоминает молитвы, что он учил, будучи ребенком, плачет до тех пор, пока над ним не начинают смеяться дотракийцы.

С другой стороны, ампутация руки заставила Ланнистера иначе взглянуть на себя и окружающих. Он наконец-то начинает понимать своего брата и сочувствовать ему, когда сам, опытный боец, уже не может держаться в седле и его подвергают позору, посадив за спину Бrien. В этот момент он превращается в карикатуру на рыцаря, но, в отличие от брата, не может защитить себя привычной для него броней сарказма, когда разбойники кричат: "...which one is the knight and which one is the lady?" [6, p. 804]. Эта карикатура приобретает еще более гротескный характер, когда бывшему командиру гвардии удается выхватить меч дотракийца, но даже у дурачка Шегвела без оружия получается поставить его на колени, превратив Джейме во всеобщее посмешище. Эпитет *feeble* (слабый) по отношению к его здоровой руке характеризует статус Ланнистера, как физический, так и социальный.

Осознание своей немоци заставляет персонажа задуматься о смысле своей жизни, сомневаться в правильности выбранного пути: "Was that all I was, a sword hand?" [Ibidem, p. 807]. Брат Тириона к своему стыду вынужден признаться, что его использовали как орудие для достижения чьих-то целей. С момента, когда Бrien назвала его трусом, Джейме начинает цепляться за жизнь, так как вспоминает, что нужен своей семье, что он обязан отомстить своим обидчикам. Таким образом, рыцарь проходит все признанные современными психологами стадии, связанные с подобной травмой: горе и чувство утраты, отрицание и изоляция, озлобленность и депрессия («Почему я? По какой причине это происходит не с кем-то другим?»), ощущение вины и, наконец, принятие и смирение. Последнее выражается в том, что он заказывает себе протез из золота и соглашается на тренировки с Броном, чтобы восстановить боевые навыки.

В итоге Дж. Мартин показывает нам на примере двух представителей династии Ланнистеров всю многогранность таких концептов, как *деформированное тело*, *гендер и власть*. Причины физических аномалий разные (генетическая предрасположенность и травма), как и компенсаторные варианты: для Тириона, с младенчества привыкшего к унижению, это интеллект, знания, острое слово и умение располагать к себе нужных людей; для Джейме, с трудом принявшего нового себя и свой протез, это низвержение с высот доминирующей маскулинности приводит к духовному прозрению и попыткам обрести самостоятельность за счет военной тактики, поиска компромисса, союзников, а не только лобовой атаки и прямой агрессии. Одновременно американский писатель еще раз доказывает нам, что наполнение концептов определяется спецификой интеллектуальной и социально-политической жизни общества, они модифицируются в зависимости от потребностей большинства, сословной или экономической верхушки. Деформированное, монструозное тело не мешает ни тому, ни другому персонажу бороться за власть, быть полноценными воинами и политиками, представителями династии и защитниками своей семьи. Это уже современное видение проблемы аномалий тела. Деформированное тело выступает в качестве увеличительного стекла – "critical lence" [2, p. 12], которое наряду с такими концептами, как *гендер*, *политическая мысль и практика*, позволяет рассмотреть в деталях индивидуальное, социальное и политическое сознание и "Я-восприятие" не только в созданном авторским воображением мире Вестероса, но и в том, где живет современный читатель.

Список источников

1. **Мартин Дж.** Игра престолов / пер. с англ. Ю. П. Соколова. М.: АСТ, 2013. 765 с.
2. **Delogu D.** Allegorical Bodies: Power and Gender in Late Medieval France. Toronto: University of Toronto Press, 2015. 288 p.
3. **Donaldson M.** What is Hegemonic Masculinity? // Theory and Society. 1993. № 22. P. 643-657.
4. **Mandler P.** The English National Character: The History of an Idea from Edmund Burke to Tony Blair. New Haven: Yale University Press, 2006. 360 p.
5. **Martin R. R. G.** A game of thrones. N. Y.: Bantam Books, 1996. 864 p.
6. **Martin R. R. G.** A storm of swords. N. Y.: Bantam Books, 2003. 1216 p.
7. **Sanders K.** Bodies in the bog and archeological imagination. Chicago: University of Chicago press, 2012. 344 p.
8. **Sawicki J.** Disciplining Foucault: Feminism, power and the body. N. Y.: Routledge, 1991. 144 p.
9. **Skeat W. W.** An etymological dictionary of the English language. Mineola, N. Y.: Dover Language Guides, 2005. 832 p.

DEFORMED BODY, DYNASTY AND POWER IN THE PROSE OF GEORGE MARTIN

Baronova Elena Vladimirovna, Ph. D. in Philology

Krupnova Natal'ya Aleksandrovna, Ph. D. in Philology

Morozov Dmitrii Leonidovich, Ph. D. in Pedagogy

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Branch) in Arzamas
ipprepod@yandex.ru; krupnova.n.a@yandex.ru; morozoff10@rambler.ru

The article is devoted to the problem of perception of a deformed, abnormal, beyond the norms body in modern fiction of a historical fantasy genre. The authors try to determine how in the world, created by the American writer, the system of values of the middle Ages and the ideals of the XXI century are represented, which impose a code of behaviour in the family and state in the conditions of exclusion, discrimination and lack of tolerance to anything that does not meet the "norm", imposed by authorities and ideology.

Key words and phrases: norm; deformed body; power; dynasty; anomalies of body; dominant masculinity.